

Сценарий был длинным, а холод вокруг становился всё невыносимее, но Чэн Муюнь ничего не видел и не чувствовал.

Сама невозможность пошевелиться не пугала его. За свою долгую жизнь, ещё на заре обретения сознания, он привык к неподвижности.

В конце концов, бамбук, даже наделённый душой, до момента превращения в человека может двигаться лишь тогда, когда дует ветер. Единственное, что вызывало у него дискомфорт — это стужа. Бамбук никогда не питал нежных чувств к холодным краям.

Уйдя в себя, он принялся изучать сценарий, попутно восстанавливая в памяти свои былые похождения в этом мире.

Царство Цзючжоу делилось на два пути: Праведный и Демонический. Среди праведников бытовала поговорка об «одном ордене, двух павильонах, трёх вратах и четырёх школах». Тем самым единственным орденом был Тайсюань — самая могущественная и влиятельная сила во всём Царстве Цзючжоу.

Чэн Муюнь же занимал в этом ордене исключительное положение — он был старейшиной на стадии Разделения Души. Разумеется, в подобных романах такие персонажи обычно служат либо временной опорой для героя, пока тот не окрепнет, либо досадным препятствием на его пути.

Но «Чэн Муюнь» пошёл дальше. Он умудрился стать и тем, и другим одновременно: мощным подспорьем в карьере протагониста и непреодолимой преградой в его личной жизни.

Родители персонажа были великими мастерами стадии Единения с Телом. Его отец пал смертью храбрых в великой войне с демонами, забрав с собой в могилу десятерых владык, чем и остановил вторжение скверны в Царство Цзючжоу. Мать же, получив в той битве тяжёлые раны, из последних сил добралась до ордена, родила сына и сразу же скончалась.

Как единственный наследник двух героев, спасших мир, юноша с самого детства был окружён почётом. К тому же он обладал выдающимся талантом: не дожив и до ста лет, он прорвался на стадию Разделения Души, заслужив репутацию гения, который рождается раз в тысячелетие.

Однако в момент прорыва внезапно пробудилось проклятие, преследовавшее его ещё из материнской утробы. Оно буквально выжгло его Кость Дао. Весь орден Тайсюань мобилизовал свои силы, потратив несметное количество редчайших сокровищ, лишь бы сохранить ему жизнь.

Жизнь-то сохранили, но культивация Чэн Муюня застыла навсегда.

Именитый Даосс-владыка, обладающий безупречным мастерством меча, больше не мог использовать ни капли духовной энергии. Стоило ему попытаться, как его немощное тело начинало разваливаться: в лучшем случае это заканчивалось кровавой рвотой, в худшем — глубоким обмороком.

С тех пор «Чэн Муюнь» оставил надежды на возвышение и долгие годы странствовал среди смертных. Однажды он наткнулся на банду разбойников, вырезавших деревню, и вмешался. Пусть он не мог применять магию, его техника меча оставалась непревзойдённой — он с лёгкостью перебил всех головорезов. Увы, он пришёл слишком поздно: в деревне почти не осталось живых.

В конце концов, обыскав развалины, старейшина нашёл единственного выжившего в пересохшем колодце, заваленном камнями. Это и был главный герой романа — Хэ Юань.

По законам жанра, раз он протагонист, значит, одарён небесами. «Чэн Муюнь» с первого взгляда понял, что врождённый талант мальчика в точности повторяет его собственный. Преисполнившись сочувствия, он забрал ребёнка в орден и сделал своим единственным личным учеником.

До этого момента сюжет развивался вполне логично. Странности начались потом. Наставник души не чаял в своём подопечном и после восемнадцати лет опеки внезапно воспылал к нему совсем не родственными чувствами.

Дойдя до этого места, Чэн Муюнь почувствовал подвох.

«Погоди, ты же говорила, что это типичный "мужской" роман про прокачку и гаремы? — засомневался он. — Что ещё за нездоровые страсти между учителем и учеником?»

«Ничего-то ты не понимаешь, — Система отозвалась глубокомысленно. — Это нынешний тренд на мужских литературных порталах — добавлять такие элементы, чтобы привлечь женскую аудиторию»

«Действительно, не понимаю. С чего бы мне вдруг в здравом уме влюбляться в Хэ Юаня? Когда я его спас, ему было пять лет — чёрный, тощий, вылитая облезлая обезьяна. Даже когда он вырос, я всё равно помнил его таким. Мои вкусы просто не могли пасть так низко»

«Но это же главный герой! — возразила Система. — У него огромный гарем и харизма, бьющая через край. Одной его внешности достаточно, чтобы лишить людей рассудка»

«Не катит. Не мой типаж»

«Да кому какое дело до твоих предпочтений?! Разве твои чувства хоть на что-то влияли?»

Когда Хэ Юань повзрослел, он и впрямь стал статным красавцем, чистым и прозрачным, словно изысканный нефрит. Половина девчонок в ордене, чьё сердце не было до конца предано Дао, тайно по нему вздыхала. Сам же он под руководством учителя был всецело предан самосовершенствованию. В его глазах, кроме пути меча, существовало лишь одно — сыновний долг перед наставником.

«Какая была идиллия: любящий отец, почтительный сын, — вздохнул Муюнь. — Но вашим сценаристам обязательно нужно было всё испоганить»

«Кто бы говорил про "испоганить", — хмыкнула Система. — Ты в этом деле мастер»

«Польщён, польщён»

Переломный момент наступил, когда протагонист достиг стадии Пробуждения Чувств и, следуя традиции, покинул орден ради странствий. В одном из тайных царств он спас прекрасную деву.

Они стали путешествовать вместе, и со временем между ними вспыхнули чувства. В одном из подземелий девушка, рискуя собой, спасла героя, но сама оказалась в ловушке. Юноша на пределе возможностей вырвал её из лап смерти. Она была тяжело ранена, и он принёс её в орден, умоляя учителя о спасении. Однако тот с первого взгляда узнал в госте черты лица одного демонического практика, которого видел когда-то на жемчужине хранения образов своей матери.

Учитель заподозрил неладное, но Хэ Юань упорствовал: раз она не бросила его в беде, значит, не может принадлежать к тёмному пути. Между наставником и учеником пролегла трещина.

Окончательный разрыв произошёл, когда парень решил забрать возлюбленную в орден Хуэйчунь за лекарской помощью. «Чэн Муюнь», возглавив отряд правосудия, схватил девушку и бросил её в темницу под замок. Ученик в панике бежал, и с того момента в его душе поселились сомнения в истинности праведного пути. Его Дао дрогнуло.

Читая это, Муюнь скривился.

«Тьфу, неблагодарная скотина! Знаешь, даже сейчас я считаю, что поступил тогда правильно»

«Читай внимательнее, — перебила Система. — Хэ Юань усомнился в учителе не только из-за этого»

Муюнь последовал её указанию и всё понял.

Оказывается, Хэ Юань три дня и три ночи простоял на коленях перед обителью учителя, моля о пощаде для любимой, не зная, что у наставника случился очередной приступ и его унесли на

лечение. И вот, в наступившем хаосе, юноша случайно увидел в пещере доказательства того, что наставник вожделеет его.

«Вот оно что. Неудивительно, что он сбежал. Обычный натурал с гомофобией»

«...Ну, можно и так сказать»

После этого начались странствия протагониста: он скрывался от ищеек ордена, по пути убивал монстров, качался и собирал гарем. Его финальной целью было вернуться и выволить возлюбленную. Даже познав сотни красавиц и пройдя через множество нежных объятий, он хранил в сердце место для той самой первой девушки.

«Боже, какая мерзость, — протянул Муюнь. — И это называется "преданный герой"? Быть племенным жеребцом с гаремом — это теперь такая форма преданности?»

«В "мужских" романах другие стандарты. Если он хотя бы помнит о ней — это уже великая любовь»

«...Что ж, хорошо, что я её пришиб»

«Ты этим ещё и гордишься?»

Да, в реальности Чэн Муюня сюжет не дошёл до того, как герой покидает школу и объединяет два пути. В тот раз, как раз перед тем, как Хэ Юань притащил свою пассивность в орден, навязанные Муюню чувства внезапно испарились.

Когда он снова взглянул на все те записи в своей обители, подтверждавшие его постыдную страсть к ученику, его едва не хватил удар. И в этот самый момент на пороге появился подопечный, требуя отпустить девушку.

Под двойным ударом — осознанием собственного позора и наглостью ученика — Чэн Муюнь, чьи негативные эмоции были раздуты до предела, просто взял и проткнул девушку мечом. А после, на глазах у всех, вырвал у Хэ Юаня Кость Дао, демонстративно пал во тьму и покинул орден, исчезнув почти на сто лет.

Когда он объявился вновь, то уже был почётным гостем в Царстве Демонов. Даже простые смертные, слыша имя бывшего Даосса-владыки Чжаомина, сплёвывали: «Предатель».

Муюнь вкратце пересказал свои подвиги Системе. В конце концов, после краха мировой линии никто, кроме него, не знал всей правды.

Система молчала очень долго — так долго, что он решил, не сгорели ли у неё предохранители

от злости.

«Эй, ты там как? Жива?»

«Нет... я совсем не в порядке...»

В её голосе Муюнь отчётливо расслышал нотки отчаяния. Как верный напарник, он решил её подбодрить:

«Да ладно тебе, всё под контролем»

«Под контролем?! Да что ты вообще контролируешь?! — внезапно взорвалась Система. — В прошлый раз с Цинь Ли всё и так шло кувырком, а в этот раз ты взял и прирезал сюжетную героиню, да ещё и выпотрошил главного героя! Что у тебя в голове вместо мозгов, бамбуковая ты щепка?!»

«...Слышь, не ори так, мне страшно»

«Тебе страшно?! — продолжала бушевать она. — Да ты только что небо пополам не развалил! Хотя нет, раз мировая линия рухнула — значит, развалил! Скажи мне на милость, зачем нужно было убивать героиню?»

«Ну, она же узнала, что у него в теле Демоноподавляющая Кость Дао, — резонно ответил Муюнь. — Если бы она раззвонила об этом, начались бы проблемы. Пришлось убрать свидетеля»

«Она любила его всем сердцем! Она бы не предала!»

«Не верю, — отрезал Муюнь. — Чувства — самая ненадёжная штука в мире. Я просто исключил риск»

«...Ладно. А Кость Дао зачем вырвал?»

Муюнь ответил ещё более уверенно:

«Мстил. Он повёл себя как неблагодарный выскочка, собрался бежать, да ещё и оказался настолько туп, что позволил демонической девке себя окрутить. Рано или поздно эту кость у него всё равно бы кто-нибудь вырвал. Уж лучше это сделаю я. К тому же у него Врождённое Тело Меча, так что отсутствие кости на его практику особо не повлияет»

У Чэн Муюня и Хэ Юаня были одинаковые Кости Дао — Демоноподавляющие. Они защищали

обладателя от любой скверны и давали врождённую власть над демонами, сокрушая их силой небесного грома.

В своё время тот демонический практик наложил проклятие на мать Чэн Муюня именно потому, что прозрел в её утробе младенца с такой костью — он хотел уничтожить угрозу в зародыше. И старейшина все эти годы хранил тайну ученика, не давая никому прознать о его истинной силе.

«...» — Система была на грани того, чтобы признать его логику.

«Более того, мои навыки меча и уровень развития позволяли мне эффективно бить демонов, чтобы те и носа не смели высунуть в наши края. С этой костью я стал бы куда полезнее. Результат один, а процесс не важен»

«И что же ты в итоге натворил?» — Система ушла в глухую оборону.

«Ушёл к демонам под прикрытием. Используя Демоноподавляющую Кость как приманку, я оставил на каждом из владык свою метку. А когда они решили прорвать границы миров, я их всех подорвал. Бум — и готово. — В голосе Муюня слышалось явное удовольствие. — Это было грандиозное зрелище»

«Разобраться с демонами должен был главный герой! — Систему едва не закоротило. — Ты-то зачем туда полез?!»

Вернувшись в этот мир, Муюнь ни на секунду не усомнился в своих действиях. Его негативным атрибутом здесь была «косность и упрямство». Раздутая до предела черта заставила его поверить, что единственный способ спасти мир — это истребить всех демонов любой ценой, без компромиссов.

Для такого принципиального учителя сама мысль о влечении к ученику была невыносимой. Поэтому он никогда не позволял этой тайной страсти выйти наружу, стараясь искупить свою «вину» запредельной заботой о Хэ Юане. Когда чувства исчезли, его разум испытал колоссальный шок. А следом он услышал за дверью вопль:

— Пусть она и демон, она спасла мне жизнь! Неужели все демоны — зло?!

В тот момент у Муюня окончательно сорвало резьбу. Он списал ученика со счетов и выбрал самый быстрый и радикальный путь: вырезать Десять Владык Царства Демонов. Для него это было вполне логичным завершением истории.

Сейчас он по-прежнему считал, что демоны заслуживают смерти, но теперь мог сдерживать этот порыв доводами рассудка. Радовало одно: как и в прошлом мире, время, скорее всего, немного откатилось назад, и всё ещё можно было исправить.

Судя по потокам духовной энергии вокруг, Муюнь понял, что всё ещё находится в пределах ордена Тайсюань. Значит, он ещё не стал ренегатом.

Что же касается паралича и закрытых глаз — это было привычным делом. С его хрупким здоровьем подобные обмороки, когда сознание уже бодрствует, а тело — нет, случались регулярно. Юноша успокоился. Нынешняя ситуация казалась ему куда перспективнее, чем в прошлый раз. По крайней мере, он не превратил героя в свою живую куклу, и их отношения всё ещё оставались в рамках приличий. Направить такие здоровые отношения в нужное русло — пара пустяков.

«Какая удача. Просто блеск».

Чувствуя, что Система всё ещё пребывает в прострации, он утешил её:

«Да не переживай ты так. Сейчас всё будет просто: я быстренько уничтожу в пещере все улики моей былой "влюблённости", а потом спокойно пойду по сценарию. Побуду для Хэ Юаня золотой опорой, а в нужный момент эффектно погибну. Делов-то»

«Пожалуй, ты прав. Ты ведь ещё не начал творить дичь. Главное — сдерживайся. А я буду тебе напоминать»

Они оба довольно оптимистично настроились на будущее. Муюнь, хоть и не мог шевельнуться, пребывал в отличном расположении духа.

Внезапно снаружи донеслись голоса. Судя по всему, двое учеников-служек занимались уборкой неподалёку.

— Шисюн, а что там, на самой вершине пика? Говорят, там наложили какой-то жуткий древний массив. Неужели там спрятан артефакт божественного уровня?

— Не знаю. Твоё дело — прибраться здесь и не задавать лишних вопросов. Делай что велят.

— ...Но мне правда любопытно. Что же там такое скрывают?

Старший ученик, видимо, вконец утомился от болтовни юнца, но, опасаясь, как бы тот не натворил бед, раздражённо пояснил:

— Ты слышал про Почтенного Меча Сюаньхуна?

— Конечно! Я только из-за него и мечтал попасть в орден Тайсюань.

— А знаешь, что он практикует Дао Бесстрастия?

— Ну да, слышал. А что не так?

— А то, что в его глазах ты ничем не отличаешься от придорожного камня или пучка травы. Эта обитель — территория, которую он объявил запретной зоной. Если так любопытно, сходи проверь — посмотришь, не развалит ли тебя Почтенный Меч пополам одним ударом.

— Ох... — Мальчишка испуганно охнул. — Но разве Почтенный Меч Сюаньхун сейчас не в уединении? Эта пещера вроде бы заброшена уже очень давно.

— Эх, — вздохнул старший, окончательно сдаваясь и переходя на шёпот. — Это... обитель его учителя.

— А? У Почтенного Меча был учитель? Никогда не слышал об этом. Если сам Почтенный так велик, то его наставник, должно быть, был гением из гениев!

— Тсс! Ни слова больше. Молча закончи уборку. Если мы уйдём отсюда без приключений, я буду благодарен богам.

Голос старшего стал суровым, и юнец больше не спрашивал. Послышался лишь мерный шорох мётел.

Чэн Муюнь, подслушавший этот разговор, почувствовал, как земля уходит у него из-под ног. Он долго не мог прийти в себя, а перед глазами хаотично замелькали обрывки воспоминаний.

«Что с тобой? — встревожилась Система. — Почему замолчал?»

Прошло немало времени, прежде чем Муюнь смог выдать ответ:

«Ты знаешь, кто такой Почтенный Меч Сюаньхун?»

«Кто? В сценарии нет такого персонажа»

«Сюаньхун... — мысленно проговорил Муюнь. — Это даосское имя, которое я дал Хэ Юаню.»